

ИРИС ЭРЛИНГ

СЕРДЦЕ ВИЖУМ

Где сердце у дома?

Ирис Эрлинг

Сердцевинум

Серия «Ключ от послезавтра»

Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43373755

Ирис Эрлинг "Сердцевинум". Серия "Ключ от послезавтра":

Издательство АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-114091-5

Аннотация

Дом был ужасный – построенный из грязно-серого кирпича и весь какой-то косой. Его подъезды будто перессорились, а на крышу нахлобучилась огромная труба. Когда Рина сюда переехала, то сразу поняла: здесь творится что-то странное, ведь по ночам стены воют так, будто им больно. А однажды, на самой грани сна и яви, она услышала шепот: «Приходи по спирали...» Казалось, кто-то звал на помощь. Кто-то не из нашего пространства. Из Сердцевинума.

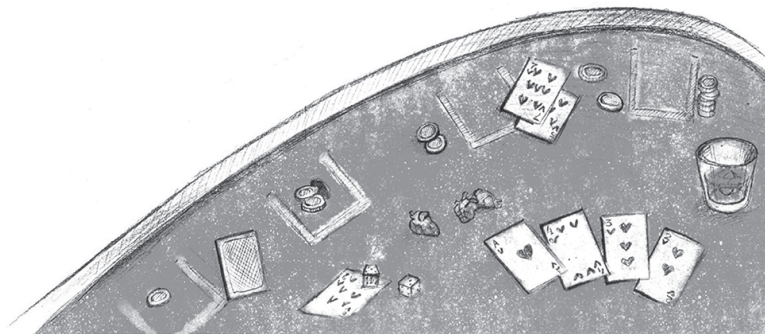
Оказавшись в этом искаженном мире, Рина и ее друг Тим узнают: сердце дома украдено, оттого он и воет. Если его не найти, жителям грозит опасность...

Содержание

Вступление	4
Глава первая	11
Дом, зовущий на помощь	12
Глава вторая	26
Огонек внутри дерева	26
Глава третья	42
Магазинчик, который работает строго одно сегодня	42
Глава четвертая	58
Украденные сердца	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ирис Эрлинг Сердцевину

Вступление

Одним из тех осенних вечеров, в какие всегда царит туман и совершаются непоправимые ошибки, тишину вестибюля в игорном доме на улице Трех Сотен Унций нарушил неуверенный стук.

– Копоть... Сажа... Уголек... Пепельная горка...

Невнятное бормотание прервалось.

– Кто там? – буркнул Бергамот, обращаясь вовсе не к посетителям за дверью, а к самой двери.

В это время он чистил лампы, сгорбившись на неказистой

лесенке под самым потолком, и ленился спускаться только для того, чтобы пригласить клиентов в заведение. Каждый раз эта обязанность становилась серьезным испытанием для его коротких ног. Куда проще было бы сообщить: «Закр-то», но это могло стоить хозяину чьей-нибудь непоправимой ошибки, а Бергамоту – работы. Приходилось спрашивать.

Маленький блестящий камешек послушно завертелся в дверном глазке.

– Должник и его долг, – пропищал он.

Бергамот слез и отворил дверь, потому что должников хозяин любил больше, чем остальных посетителей. На пороге стоял немолодой мужчина, а из-за полы его плохонького пальто выглядывал мальчишка, который явно был напуган, но все равно поправил съехавшее на лоб кепи. Наверное, из вежливости – аж противно! Теперь из-под кепи нелепо торчали оттопыренные уши.

– Нам обязательно туда идти? – спросил мальчишка.

– Не бойся, Ян. У папы есть кое-какое дело, но это ненадолго.

– Следуйте за мной, – проворчал Бергамот, перебирая в уме всякие варианты: «Лужа... Жиж... Ил... Башмак... Скользкая штанина... Штанина...»

Нет, стихи никак не получались.

Скривившись, он наблюдал, как гости пачкают уличной грязью до блеска натертые шахматные полы. Потом кутался в шарф и вел их в глубь дома, – мимо тисненых обоев с узо-

ром из карточных мастей, мимо багровых портьер и странных экспонатов – позеленевших от времени реторт и бутылей, загадочных приборов и матовых зеркал. Все это владелец заведения когда-то у кого-то выиграл.

Игровой дом делился на несколько залов. В первом, за столами, обитыми алым сукном, играли во всё подряд и на всё подряд. Во втором – приватном – вместо денег поблескивали рубиновые грани *сердец*, и фамильяры торопливо задегивали плотную занавесь, стоило какому-нибудь чужаку бросить сюда неосторожный взгляд. Третий зал был скорее личным кабинетом хозяина.

Путь к нему вел через служебные помещения, и на мальчишку то и дело посматривали другие фамильяры, занятые своими обязанностями. Кто-то подметал лестницы, кто-то чистил серебро, другие понуро шевелили лапками, усами или тем, чем могли, пытаясь ослабить тесные воротники и фартуки. Но все провожали Яна печальными взглядами, и в конце концов сам мальчик, тоже заметив это, шепнул существу в двухконечной шапочке, имени которого Бергамот даже не помнил:

– Что не так?..

Фамильяры мгновенно переполошились, как будто только и ждали повода. Те, что были созданы летучими, поднялись под потолок и зашептали:

Ночь на дворе,

*Страх все острей,
Быть тебе, Ян,
На алтаре!*

Те же, у кого были острые когти, взобрались на резные украшения лестничных перил и протяжно завывали:

*Быть тебе, Ян,
Ужином Зла,
Деру, пацан!
Плохи дела!*

Бергамот сердито шикнул на них: нельзя же, в самом деле, так пакостить хозяину! Поэты чертячие.

Однако негодники успели своего добиться.

– Зачем мы здесь? – спросил мальчик, хватая отца за рукав и тревожно оглядываясь на беснующихся фамильяров.

– Я должен поговорить с владельцем этого заведения.

– Но почему мне нельзя подождать снаружи? Посетитель остановился в нерешительности.

– Видишь ли... – начал он.

Но Бергамот уже отворил тяжелую дверь в кабинет хозяйина, пребольно защебив при этом собственную ногу. Недолгая хромота была пустяковой ценой за одобрение господина. Зато теперь уж никуда не деться мальчишке и его отцу! И мелкие предатели проиграли.

За широким дверным проемом простирались складча-

то-бархатные, деревянно-лакированные недра кабинета. Под потолком висела целая коллекция абажуров разных моделей и расцветок. Они кружились, потревоженные нахальным сквозняком, и отбрасывали странные тени: бахрома становилась жуткими щупальцами, а кружевные оборки – клубами грозových туч.

Сидевший в кресле человек спешно захлопнул крышечку перстня на своем пальце, приветственно взмахнул рукой, и надетое прямо поверх перчатки украшение сверкнуло золотом высшей пробы. Жест этот всегда заставлял гостей переступить порог, даже если мгновение назад они твердо решили бежать отсюда и никогда не возвращаться.

Бергамот знал, что внутри перстня таится черный камень в форме черепа, и от этого знания ему было не по себе.

– А вот и мой прелестный выигрыш.

– Вы выиграли нечестно, – выпалил посетитель.

– Почему же нечестно? – искренне оскорбился хозяин. – Разве я виноват, что вы приняли мою откровенно дурацкую ставку за чистую монету?

– Но вы ведь сами сказали, что уважаете благотворительность... Что даете деньги за победу в символическом пари... – лепетал гость.

– А за поражение забираю самое дорогое, – закончил хозяин. – Именно так я и сказал. Но вы, бедняки, почему-то наивно полагаете, что у вас нет решительно ничего дорогого... Подготовьте мальчика. – Последние слова предназна-

чались слугам – уже не фамильярам, а людям.

Мальчишку отвели в дальний угол кабинета и легко уложили на кушетку. Он потрясенно глядел на отца и не сопротивлялся, точно превратился вдруг в тряпичную куклу. Хозяин с усилием поднялся из кресла. Он стянул перчатку, обнажив абсолютно черную кисть руки. Посетитель бросился к сыну, но тут же раздалось короткое:

– Успокойте его.

Посетителя схватили, и у мальчишки не осталось ни единого шанса. Хозяин, уже приблизившийся к кушетке, мог приступить к воплощению замысла.

Постепенно кончики его пальцев загорелись ярко-красным светом и, будто став бесплотными, легко вошли в грудную клетку Яна – тот побелел и крупно задрожал, но по-прежнему не издал ни звука. Хозяин потянул руку на себя. Кажется, внутри он встретил какое-то сопротивление.

Минуту продолжалась борьба.

Наконец бьющаяся в агонии искорка, извлеченная из груди мальчика, оказалась в черной руке и мгновенно затвердела, превращаясь в красный кристалл. Но едва хозяин поднес кристалл ко рту, как все завертелось с невиданной быстротой: с первого этажа слышались звуки борьбы и отчаянные крики. Помощники бросились вниз, и оставленный ими посетитель в беспамятстве осел на пол.

– Проклятье... Облава, – поморщился хозяин.

Едва ли его встревожил неожиданный обыск – на этот слу-

чай в игорном доме существовали особые фокусы. Но все-таки хозяин предпочел бы завершить ритуал правильно, теперь же это надолго откладывалось.

– Заготовку, живо! – последовал приказ.

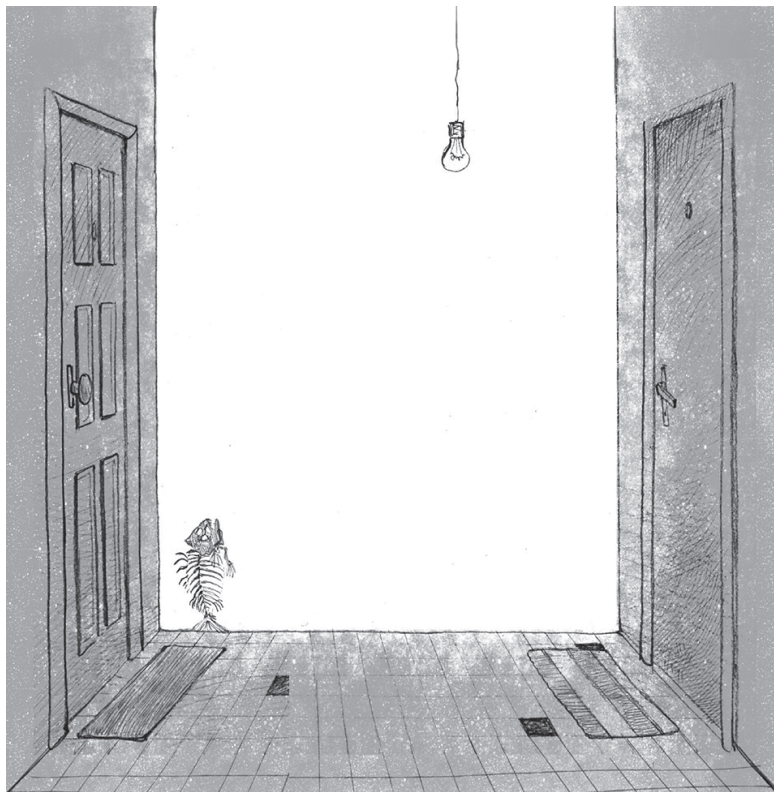
Бергамот, хоть и напуганный шумом, но очень довольный своей полезностью, быстро достал из ящика хозяйского стола требуемую вещь.

– Пожалуйста, Яхонт Спиридонович, – услужливо произнес он.

И все закончилось словами:

– Я нарекаю тебя...

Глава первая

Дом, зовущий на помощь

Звонко цокнув коготками, на дворовый асфальт приземлились короткие рыже-белые лапки. Пес опустил мордочку, вдыхая подвижным носом незнакомые запахи, а потом посмотрел на дом и глухо заворчал. Рина мысленно с ним согласилась.

Дом был ужасный – построенный из грязно-серого кирпича, длиннющий и весь какой-то косой. Его подъезды будто перессорились между собой и теперь тянули стены в разные стороны, а на металлическую крышу зачем-то нахлобучилась огромная труба – таких труб на домах Рина еще не встречала. На площадке одного из балконов зеленел островок травы, а между прутьев другого сидели размокшие от дождя мягкие игрушки.

Хмурясь, Рина посчитала окна, в случайном порядке замершие над козырьком ближайшего подъезда. Может быть, достанутся не самые кривые... Точно не это, с кактусами-переростками. И не то большое, из которого таращилась вытянутая морда сиамской кошандии, – позади нее, мотая за собой кружево занавески, дергался тощий хвост. Лир тоже заметил кошку, но благоразумно отвернулся: такие домашние животные были ему безразличны.

Да уж, и этого-то переезда Рина ждала последние полгода. Зря все-таки она не принимала всерьез «драматические

арии» – так по секрету они с отцом прозвали мамины жилищные впечатления.

Но ведь обычно мама преувеличивала проблемы.

Сейчас она нервно поглядывала на часы – с минуты на минуту должен был подъехать грузовик. На мамином лице было написано: считает, во сколько обойдется по тарифу очередная задержка.

Чтобы не попадаться под руку, Рина с Лиром ушли бродить по новым владениям. Для начала определили их границы: справа, за обрушенным забором и узким проездом, располагалась неказистая постройка с вывеской «ДУШЕВОЙ ПАВИЛЬОН ПРАЧЕЧНАЯ», позади двора угрюмо высился соседний дом, а слева Рина и Лир наткнулись на препятствие – высоченную кирпичную ограду. Зато вблизи нее росли высокие деревья, и Рина решила, что в тесном закутке между оградой и стволами можно построить шалаш или даже целую галерею.

Осмотрев края владений, Рина и Лир приступили к инспекции того, что в них входило. К приезду грузчиков как раз заинспектировали водосточную трубу и моховую полянку под ней, насаждение колючих кустов, за которым пряталось крошечное подвальное окошко, и – с торца здания – лишнюю дверь.

Она отличалась от остальных: ни кодового замка, ни домофона, зато на ней были замочная скважина и почтовый ящик – такие иногда вешают на дверях в квартиры. Нашлась

и кнопка для звонка. Рина привстала на носки, чтобы заглянуть в щелку ящика, но, кроме темного провала, ничего не увидела. А со двора уже послышалось первое «Ре-ги-и-на!», и Рина невольно поморщилась. Неужели нельзя начать новую жизнь как подобает, без некрасивых старых имен?..

Она проверила прическу и поправила сползший пучок: резинка опять ослабла. Лучше было сделать это самой, чем терпеть мамино немилосердное затягивание.

Ринины волосы – слишком легкие – никогда хозяйку не слушались. Пушистым облачком они парили вокруг головы, и, чтобы открыть лицо, половину приходилось собирать в узел на макушке. Эх, никогда ей не отрастить длинной блестящей волны, как у других девчонок. Зато... Зато...

«Зато» Рина придумать не успела, потому что мама снова позвала ее. Прямо как третьего звонка в театре, третьего маминого крика стоило дожидаться где-то поблизости. Так что пришлось стряхнуть с шерстяного сарафана прилипшие пушинки и вести Лира к подъезду.

Оказалось, какие-то важные документы лежали в машине под Риниными вещами. Рина вытащила рюкзак и связки папок с пьесами, собралась нести их в квартиру, но ее остановили: сперва полагалось заносить самое габаритное. Так и пришлось околачиваться во дворе с тяжелым грузом в руках – не ставить же любимый рюкзак и стопки пьес в самую пылицу.

Проходившие мимо новые соседи поглядывали на Суббо-

тиных с нескрываемым сочувствием. Самых сердобольных вздохов удостоилась почему-то не Рина, а заправлявшая грузовой процессией мама.

Не иначе как из-за ужасной сидячей ванны сочувствуют соседи, решила Рина. Потому и маме больше, что она высокая. Рине даже такая подошла бы, половинчатая. Тем более до сих пор семье принадлежали две половины разных квартир, то есть как раз по полванны в каждой. На другой половине всегда располагалась доска с тазами. А тут хотя бы исключалась опасность как-нибудь неловко этими тазами загреметь и облиться ледяной водой, в которой полагалось плавать замоченным вещам. Хуже то, что эта ванна была старая. Местами с нее откололась эмаль, обнажив неприглядные черные пятнышки, издали похожие на жуков. Стоило повернуть вентиль горячей воды, и под ванной начинало булькать. Затем с утробным завываньем вода вырывалась из крана – рыжеватая, с ошметками ржавчины.

В остальном новая квартира отличалась только тем, что по ней не ходили чужие тетеньки в халатах, а в телевизоре не болтали с утра до ночи герои одинаковых сериалов. И проводка была какая-то не такая – это папа сразу сказал, но добавил: чинить – себе дороже. Так что странности проводки особенно не ощущались.

Весь день прошел в подъемах и спусках по лестнице. Заносить мебель Рина и Лир, конечно, не помогали, а по мнению мамы – даже мешали. Время от времени мама ворчала,

но придумать им другое занятие так и не смогла, поэтому разрешила провожать тумбочки, шкафы и стулья на новые места. От скуки Рина представляла себя спасательницей, а потом альпинисткой. Вдруг выяснилось, что вещей нажили несметное количество – Рина сбилась со счета, сколько пришлось совершить восхождений. К концу дня сил совсем не осталось.

Атмосфера за первым ужином царила отнюдь не праздничная.

– Ну, как я и говорила, – начала мама, орудуя пластиковой вилкой: металлические еще не распаковали. – Дом проблемный. Мне об этом сразу двое соседей поведали с таким неуместным ликованием! Очень им было радостно, что не одни они такие дураки, чтобы тут селиться.

– С проводкой мучаются? – уточнил папа.

Мама отмахнулась:

– Э-э-э, до проводки-то они еще не дошли. Сразу начали с того, что всё тут со дня на день обрушится. *Звуки*, говорят, по ночам. Стены вибрируют.

– Шумоизоляция плохая, – заключил папа, жуя бутерброд. – Трамваи ходят. Сами же видели: вдоль проспекта и ходят, аккуратно по которому дом вы строен.

– Ну и я им про трамваи. А они: не стучит, а ухаёт. Мерно так ухаёт и именно что ночью. Ясно тебе? Много ты видел ухающих трамваев?

Рина вяло возила по тарелке кусок помидора. Помидоры

она никогда не ела, но в тарелке находила все равно.

– Регина, ешь как следует. Неизвестно, когда еще теперь поедем: дел столько.

Мама упорно отказывалась признавать, что ошиблась в выборе имени. И про помидоры никак не хотела запомнить.

– Ну и что? – напомнил папа. – В ЖЭК они обращались?

Мама с удовольствием вернулась к любимой теме.

– Каждый рабочий день обращаются, насколько мне известно. Особенно одна женщина с четвертого этажа, у нее в коридоре грибы растут натуральные. Так ей советуют лучше проветривать.

– А грибы тут при чем? – удивился папа. – Грибы, что ли, дом расшатывают?

– Откуда мне знать, что расшатывает. Одно понятно – аварийный он. Регина, ты пока в квартире посиди, здесь все более-менее. Грибов нет, трещин вроде тоже.

– Проводка только, – заметил папа.

Рина тяжело вздохнула: все-таки мрак кромешный.

С тех пор как началась эта жилищная возня, папа и мама сильно изменились. Всего пару лет назад мечта была, а не родители: внимательные, предупредительные даже. Вот, например, Лир, негаданно сбывшееся желание, – разве купили бы его нынешние папа с мамой? Ох, вряд ли. А ведь тогда всё устроили наилучшим образом.

Рина вообще редко что-то просила у родителей, вот и про собаку помалкивала. Хотя на чужих псов, конечно, загляды-

валась. Больше всего она любила воскресные походы за покупками, потому что торговые ряды заканчивались птичьим рынком. Кого там только не продавали! В основном, правда, все же кур и кроликов, но были и щенки. Пушистые комочки жались друг к другу в коробках, клетках и стеклянных ящиках. Рина смотрела на них украдкой и никогда не выказывала интереса.

А как-то раз, выходя из школы, она встретила в холле щенка своей мечты. Ужасно захотелось его погладить, но, подавив завистливый вздох, Рина заставила себя пройти мимо. Бело-рыжий щенок сидел, пристегнутый поводком к батарее, и солнечный свет, проникающий сквозь дверное стекло, красиво золотил короткую шерстку, высвечивал белые усы... «Повезло же кому-то!» – кричало Ринино сердце. А за дверью, на школьном крыльце, ждали ее, заговорщицки посмеиваясь, родители...

В те времена с деньгами было намного проще, так что мама выбрала породу не из дешевых и, конечно, с подтекстом, чтобы потом дивиться собственному чувству юмора. Это был вельш-корги пемброк, как у самой английской королевы. «Регина» и значило «королева». Родители вообще видели в Рине принцессу по меньшей мере и очень гордились ее успехами в школе и театральной студии. Именно студия подала Рине идею для собачьей клички, которая перевела «королевскую» тему в другое русло. Как раз обсуждали Шекспира, и хозяйка нарекла своего питомца по названию

пьесы – Король Лир.

Кличка очень комично сочеталась с щенячьими манерами. Как счастливы все тогда были... Потом начались проблемы с папиной работой, с жильем... Собака как-то сразу стала родителям только помехой. Рина с Лиром не могли свободно ходить ни по одной из квартир. Приходилось сидеть в комнате, а для собаки это такая мука!..

Напрасно Рина надеялась, что счастливые времена вернутся с переездом. Все было безнадежно.

Раньше Рине приходилось спать на диване. Теперь диван стоял в гостиной, потому что предыдущие жильцы не вывезли при переезде кое-какую ненужную мебель. Доставшаяся от них кровать была старая и скрипучая, но Рина ложилась, предвкушая приятные сны.

Как-то бабушка рассказала об одном гадании, а Рина его так и не опробовала.

Засыпая где-нибудь впервые, нужно было сказать: «Сплю на новом месте – приснись, жених, невесте!» Но Рина не слишком-то часто ночевала в новых местах и всякий раз как назло улетала в царство снов, едва голова касалась подушки. Сегодня тоже был соблазн забыть о том, что планировалось не один месяц. Но каким-то чудом Рина все-таки вспомнила

о заклинании в самый последний момент, уже на грани сна прошептала его в прохладную жесткую наволочку и приготовилась увидеть свою судьбу...

Ее разбудило ворчание Лира.

Кажется, что-то такое и впрямь снилось, но не запомнилось. От досады Рина закусила губу – если уж сон ускользнул, за хвост его не поймаешь.

Чувствуя себя глупо, Рина завозилась под одеялом. Странно, что ее не разбудили другие звуки: гудели стены, беспорядочно хлопали двери. Рина села на кровати и прислушалась: шаги и тихие взволнованные голоса. Это родители слышали гул и теперь обсуждали его, переходя из комнаты в комнату. Вот скрипнула дверца шкафа – это мама достала халат. Собирается выйти на лестницу.

За окном качались тени деревьев, тикали на прикроватном столике маленькие часы. Теперь не заснуть. Да и к чему? Место уже не новое. В общем, плакал ее жених. Не то чтобы очень уж он ее интересовал, но ведь должно быть хоть что-то загадочное в жизни...

Рина вылезла из постели и, впопыхах нащупав тапки, прокралась в коридор. Звуки здесь слышались еще отчетливее. К ним прибавились доносящиеся из-за распахнутой настежь двери негодующие голоса. Рина выглянула в подъезд. Жуть, что творилось!

Разбуженные соседи повысовывались из своих квартир, зевая и бестолково оглядываясь друг на друга. Этажом ни-

же, видимо, собрались самые воинственные: оттуда доносились уже какие-то боевые кличи. Услышав среди них и мамин клич тоже, Рина несколько не удивилась. Конечно, мама не могла пропустить бурные коммунальные дискуссии. Это была ее стихия. Папу слышно не было, но Рина не сомневалась – насчет проводки тоже что-нибудь вещает.

Рина решила воспользоваться неожиданной свободой: вышла на лестницу, закрыв в квартире любопытного Лира. Вниз путь был заказан из-за родителей, зато оставалась возможность подняться на четвертый этаж. Шаркая тапочками, она обошла соседей и направилась наверх.

Здесь почти никого не было, только у огороженной сеткой лестницы на чердак сидел, спустив ноги в провал, задумчивый мальчик. На вид он казался чуть постарше самой Риной. Волосы у него спросонья торчали вверх, а на щеке виднелся розовый отпечаток подушки.

– Рина, – представилась девочка.

– Тим.

Он подвинулся, и Рина тоже присела, как оказалось, на перевернутый придверный коврик. Они обменялись рукопожатиями – мальчик сам протянул ладонь.

– Я только переехала, а тут *такое*.

– Хлеб-соль! – насмешливо фыркнул Тим. – Нашла, куда переезжать. Кто в своем уме с нашим домом свяжется? Или вам не говорили?

– Вроде бы говорили, – неуверенно ответила Рина. – Но у

нас и выбора не было. Срочно надо было поменять на что-то наши два полцарства, а в полцарства никто не согласен был, кроме ваших соседей.

– Два полцарства? – Серые глаза мальчика выжидающе смотрели на нее.

– Да. Две половины квартиры в разных местах. Вроде и целая получается, но очень неудобно.

– А-а-а, всего-то. Ну тогда тут много кто на полцарства бы согласился. По всем дворам про нас уже легенды ходят.

– Какие легенды? – заинтересовалась Рина.

Кажется, что-то загадочное пожаловало-таки в ее жизнь. Получше жениха, может.

– Да так, – отмахнулся Тим.

Достав из кармана яблоко, он бережно вытер его рукавом, надкусил желтый бочок, но тут же поморщился и выплюнул кусок прямо на лестницу. Яблоко оказалось червивым – от желтой шкурки до самой сердцевины его пересекала коричневая полоса.

– Ерунда наверняка эти ваши легенды, – с напускным пренебрежением заявила Рина. – Хотя один из подъездов у вас странный такой.

– И ничего не ерунда, – нахмурился новый знакомый. – И не подъезд это вовсе, а квартира с отдельным входом, ее под магазин проектировали. Не говори, раз не знаешь.

Рина оживилась.

– Интересное дело. По всему городу магазины в жилых

помещениях обустраивают, а тут специальное для магазина место – и живут.

– Да не живут! Сдают иногда. Пылится, – ответил Тим.

– Из нее эти звуки?

– Этого тебе никто наверняка не скажет. Может, и из нее.

Бабушка считает, что это злая сила, которая всех нас хочет погубить.

– Да какая же злая? Прислушайся. Вон как плачет, будто страдает, – больно ей. Или ему, дом все-таки.

– Не бывает домам больно. Это жуткие твари воют. Бренчат рогами и все такое – отсюда грохот.

– Про рога тоже твоя бабушка придумала? – хихикнула Рина.

Бывают же личности!

– Про рога – я, – насупился Тим.

– А труба? Труба у вас такая страшная нависает над крышей.

– Это от кочегарки... Дому лет двести, тогда еще не было человеческого отопления.

– Двести лет! Да ну тебя! За дуру меня принимаешь! – обиделась Рина. – Ой!

Что-то мягкое коснулось ее руки. Рина обернулась и увидела кошку – ту самую, из окна. Она была длинная, черно-белая и вся какая-то острая: с треугольной мордочкой, угловатыми лапами и колючими раскосыми глазами. Кошка равнодушно посмотрела на ребят и в два счета запрыгнула на чер-

дак по деревянной лестнице.

– Это Акулина Андревна, – пояснил Тим. – Питомица Пульхерии Андревны с первого этажа. Но все зовут ее Котлетой.

Рина хотела было спросить, как это Котлета так легко забирается на чердак, но тут на лестнице показалась мама – сначала ее сердитое лицо, потом сердитый силуэт по поясу. Наконец вся мама преодолела пролет, и Рина обреченно вздохнула.

– Регина, вот ты нормальный человек, как ты думаешь? – спросила мама.

По одному ее тону было очевидно, что нормальным человеком Рина считаться не может.

– Видела, сколько времени? Кто тебе вообще разрешил выходить? Ты чего сидишь на полу? – Ну и далее в том же духе. – Быстро в постель! И чтобы никакого больше лестничного шебуршания! Доброй ночи, молодой человек.

Рина понуро отправилась домой. Неужели родители не понимают, что запретами на «лестничное шебуршание» только сильнее разжигают любопытство?..

Влетело еще и за Лира, который, оставшись в квартире за хозяина, не растерялся и погрыз в гостиную плитку. Рина еще долго валялась в постели с кислым лицом. Родители спать, конечно, не спешили – засели на кухне новости обсуждать. Вот и чайник поставили, а Рина, может, тоже хотела бы чаю. И зачем ей режим на летних каникулах?

Эх, оставалось только подслушивать разговор.

Говорили о звуках и еще о домах-матрешках. Такие дома строили на фундаментах их предшественников, иногда даже стены частично оставляли. Этот дом, похоже, выстроили на месте старой гостиницы, и многое в нем осталось с незапамятных времен. Звучало не слишком надежно, и Рина внутренне с домом согласилась — на его месте она бы тоже выла и рушилась. Участвуй она в беседе, непременно бы так и сказала. Но ее комментарии не требовались...

Наверное, все-таки чего-то не хватало, подумалось вдруг Рине. Она видела, что умиляться ею уже перестали, а принимать всерьез еще не начали. Хотя с чего бы ей казаться важной по сравнению с родительскими проблемами? Но все же очень хотелось, чтобы личная значимость распространялась чуть-чуть подальше, чем школьный дневник и отчетный годовой спектакль.

Она еще поразмыслила над этим какое-то время. А перед тем как уснуть, на самой грани сна и яви, будто слышала тихий шепот возле самого уха.

«Приходи по спирали».

Глава вторая

Огонек внутри дерева

Рина подняла палец и, мысленно досчитав до трех – очень уж было не по себе, – нажала на кнопку звонка. В глубине

квартиры послышалась глухая трель. Рина оглянулась на сообщника – еще не поздно убратъся с этажа. Но Тим казался совершенно спокойным. Его уверенность немного ободряла.

Старческий голос пропел «И-ду-у», раздался протяжный скрип – сначала открылась внутренняя дверь. Затем, отворив наружную, увенчанную молоточком в виде кошачьей головы с кольцом в зубах, на пороге появилась сама старушка. Она была одета в старомодное платье с кружевным воротником, а серьги в ушах висели такие крупные, что оттягивали мочки чуть ли не до самых плеч. Прическа старушки казалась просто потрясающей – пышные серебристые локоны, забранные назад. Но, если приглядеться, можно было заметить небольшую разницу в цвете с завитой челкой. Соседка носила шиньон.

Ее лицо приняло выражение, отдаленно напоминавшее любопытство.

– Да, дети?

– Здравствуйте, – вежливо начала Рина. – Мы хотели бы взять у вас пок... то есть интервью.

– Интервью? – удивилась старушка.

– Именно. Видите ли, мы бы хотели написать письмо про странности в нашем доме. В газету. А там, глядишь, и до этого... ЖЭКа дойдет.

– Но для письма нам нужны очень убедительные... интервью жильцов, – подхватил Тим. – А чем старше жилец, тем убедительнее. Вот мы к вам и обращаемся.

– Какое полезное начинание! – воскликнула польщенная Пульхерия Андреевна. – Какая инициатива!

Инициатива, надо сказать, принадлежала Тиму – правда, цель ее была несколько иной, но все равно очень полезной. Утром, когда Рина вывела Лира на прогулку, мальчик подъехал к ним на велосипеде. Он сказал: «Девчонка ты толковая, можешь мне поверить. Я в людях разбираюсь». Рина, конечно, была того же мнения. Так что, опустив условности, Тим сразу выдал свою идею.

Первым делом в любом расследовании – никто не сомневался, что это именно оно, – полагалось взять показания. Это не казалось особо трудным: жильцы охотно делились страхами по поводу дома. И все-таки стоило придумать какую-то легенду, чтобы легче было пресекать неудобные вопросы.

И вот теперь, вооружившись блокнотом и ручкой, Рина и Тим приступали к обстоятельному сбору показаний. Лира тоже взяли, потому что оставлять его одного в квартире было попросту опасно для плинтусов. Проблемой он мог стать, пожалуй, только для Пульхерии Андреевны и ее Котлеты, так что решили начать со старушки и не слишком расстраиваться, если ничего не выйдет. Однако пожилая хозяйка явно была подслеповата и, ничего не спросив о собаке, впустила всех.

В квартире царили полумрак и книжный запах. Кошка нашлась уже в коридоре – апатично лежала на шкафчике для обуви, одетая в нелепый комбинезон. Ее веки сонно прикры-

вали желтые глазищи. Когда Лир проходил мимо, Котлета только дернула носом, отчего кривые усы затрепетали, как порванные струнки. Вот и вся пресловутая вражда.

– Проходите, – позвала старушка. – Присаживайтесь на стулья.

Рина и Тим обменялись недоуменными взглядами – кто вообще сидит на стульях, если это не обед какой-нибудь? Почему бы не найти где-то место для дивана? Но едва они разулись и шагнули в гостиную, как все стало ясно и одновременно нет.

Это была библиотека. Пульхерия Андревна устроила настоящую библиотеку в собственной квартире! Повсюду стояли шкафы с ящичками, в которых обычно располагается библиотечный указатель. Вот и стеллаж с формулярами, знаковыми всем, кто заходит порой за парочкой книг. И, конечно, сами книги. Они были везде.

– Напомните-ка мне, – прищурилась старушка, пробегая пальцами по ящикам с интервалами алфавита, – на какую вам букву?

Рина оторопело поглядела на соседку. Какую такую букву? Ведь только что такую речь задвинули про интервью – в точности и не повторишь!

– Так мы интервью взять хотели, – робко напомнила она.

– Ах, да. По каталогу это у нас «И»...

Соседка проследила пальцем путь до нужного ящичка и попыталась выдвинуть его, но тот наудачу застрял.

– Пульхерия Андревна, – вмешался Тим. – Может, вам лекарство какое надо? Где аптечка у вас?

– Известно где. – Старушка удивленно приподняла брови. – На «А», непутевый ты мой. Вот, гляди.

Она и впрямь вытащила ящичек с «А» и принялась перебирать желтоватые карточки. Нужная нашлась быстрее, чем Тим успел запротестовать. Пульхерия Андревна победно потрясла ею и гордо сказала:

– В комоде в спальне!

– Так это у вас не про книги?.. – Рина непонимающе нахмурилась.

Старушка поразмыслила секунду-другую, а потом серьезно ответила:

– По-разному. Как это все-таки библиотекарь по призванию и без книг? Но чаще уже вещи приходится указывать. Память совсем подводит. Бывает, ищешь все утро нужные очки... Зачем эта суета? А так – взяла по каталогу, убрала по каталогу. Уж этот навык меня, думаю, не подведет.

Интервьюеры дружно выдохнули.

В конце концов у странной соседки выяснить удалось немного. Шумы, по ее словам, грянули где-то с неделю назад, а еще те бандиты, которые шумели, совершенно точно крали у нее мыло. Пришлось даже новый набор открывать, так что украли куска четыре, не меньше. Тут уж Пульхерия Андревна совсем съехала с темы.

– Понимаете, мои хорошие, – тоскливо объяснила она. –

Это мыло мне подруга возит из другого города. Только там магазин еще остался, который именно такое продает. Мы ведь этой маркой в юности пользовались... По ГОСТу... Душистое... а у подруги со здоровьем не ладится, неизвестно, приедет ли еще...

Гости уже только и думали, как сбежать повежливее, а Лир с подозрением косился в сторону коридора, где возлежала Котлета.

– Поняли, дорогая Пульхерия Андревна, – успел-таки вставить Тим. – Займемся мылом, как только закончим с письмом. Мы бы сами в тот магазин съездили, но, боюсь, родители в другой город не пустят. Будем искать пропавшее.

Наконец, они выбрались из квартиры. Затхлый воздух подъезда вдруг показался таким пьяняще-свежим!

Надышавшись, Рина покосилась на сообщника, и тот виновато почесал затылок.

– Да я у нее не был никогда... Но вот в третьей был, там ничего. Пойдем?

– Пойдем, – кивнула Рина. – Только отдохну морально. Тим улыбнулся.

– У тебя хвост расквасился. Андревна и его морально утомила.

– Уф... – только и сказала Рина, закусывая резинку и освободившимися руками собирая каштановую копну. – Фто жифет-то там?

– Чаепиты.

Дверь в третью квартиру оказалась открыта. Только сунув в нее нос, Тим высунулся обратно и довольно прищурился.

– Ну что такое? – нетерпеливо спросила Рина.

– Дамы вперед.

Рина заглянула в прихожую и тут же оказалась в облаке влажного белесого марева. Пар пах как чайник, в котором заварку забыли на неделю-другую – к этому моменту внутри обычно зарождается новая жизнь.

Лиру запах явно понравился. Пес протиснулся в щель приоткрытой двери и бодро потопал в глубь коридора, опустив морду к полу. На рыжих шерстинках собачьей шубки сразу же выступили крохотные капельки осевшей влаги.

Открыв дверь окончательно и зазвенев подвешенными на ней деревяшечками, Рина и Тим последовали за Лиром. У входа в комнату они неожиданно – хотя этого вполне следовало ожидать – наткнулись на интересного вида дедушку. Он был еще древнее, чем соседка-библиотекарша, и носил бороду, похожую на сноп пожухлой травы. Дедушка кутался в просторный халат.

– О, гости дорогие! – расплылся он в беззубой улыбке. – А мы как раз заварку ошпарили. Прошу, прошу!

Тима и Рину проводили на кухню, где сидели еще трое

точно таких же дедушек.

Половину кухни занимал широченный диван с вышитыми подушками; занавеска, вся в заплатках, ниспадала на него с запотевшего окна. Дедушки держали по чашке горячего чая, а на столе громоздился самый странный сервиз, который Рина когда-либо видела. Посуда была вся какая-то помятая, с неровными краями и странными выпуклостями. Бликами глянцевых боков переливались имбирного цвета чашки, мандариновые блюдечки с вкраплениями, похожими на рассыпанные специи, чайники в виде переспелых гранатов. Совершенно нормально для одной здешней чашки было иметь баклажановый цвет снаружи и гороховый внутри.

Гостей усадили и тоже снабдили чашками. Рине досталась пятнистая, причем пятнышки не только танцевали на внешней ее стороне, но и собрались на дне. Хозяин тут же плеснул в них ароматный чай и следом бросил листик мяты. Разлили остальным. Дедушки вдохнули пар и вдруг затараторили все разом:

- Еловый сироп тут бы подошел.
- Да нет же, явно напрашивается дикий мед.
- Молока, молока бы.
- Молоко скисло. Лучше клюквы, в застенке еще есть корзина прошлогодней мороженой.

Не придя к согласию, дедушки достали витиеватые ложки и принялись зачерпывать ими разные ингредиенты, стоявшие в маленьких баночках на блюде в центре стола. Под-

нялся звон.

Рина откинулась на спинку кухонного диванчика и расслабилась. Чаепиты ей понравились. Куда как лучше всех остальных дедушек, которых она знала, – те только вяленую рыбу ковыряли и ругались с ведущими новостей.

Тим лихо прихлебывал из своей чашки. Показания что-то не брались.

– Ты какая-то новая девочка, – зажмурившись, сказал один из дедушек.

Они все вдруг глаза позакрывали, видимо, чтобы на запахе и вкусе сосредоточиться.

– Только вчера приехала, – пояснил Тим. – Ее зовут Рина. А этого пса – Лир.

Дедушка приоткрыл один глаз и скосил его на собаку.

Лир нашел на кухне такой пышный веник, какой не грех было немного проредить, и теперь методично кусал тоненькие прутики. Заметив дедушкин взгляд, пес оставил веник и притворился, будто ему внезапно стало жарко, – высунул язык и часто задышал.

– Улыбается, – заметил дедушка.

Из-за черной окантовки вокруг пасти Рине и самой всегда казалось, что Лир – очень улыбчивый пес.

– Тут такое дело... Мы у вас интервью взять хотели, – заявил наконец Тим. – Для письма в газету. Про шумы загадочные.

– А-а-а, значит, кто-то наконец-то берется за выяснение

этих пренеприятных обстоятельств, — с довольным видом заключил один из чаепитов. — Ну удачи вам, ребятки! Даже не знаю, чем помочь. Только вот побрякушка в коридоре в последнее время очень часто бренчит сама по себе. Среди ночи, бывает.

— Мы уж думаем, что пора начать дверь запирать, а то кто-то чужой ходить повадился, — поддержал его первый дедушка.

Как назло в наступившей тишине у Рины в животе раздался жуткий звук — будто лягушка квакнула. Рина очень смутилась. С утра она не успела позавтракать, сразу выбежала с собакой, и теперь пустой желудок явно был недоволен чаем без всего.

А дедушки уже лезли восьмью руками в буфет за печеньем.

Оказалось, хозяева третьей квартиры знали уйму мистических историй и даже умели гадать. На чае! Рина, как услышала, стала сама не своя, извертелась на месте, думая, как бы все-таки упросить их попробовать. Один из дедушек искоса поглядывал на ее мучения и посмеивался в усы.

Наконец он широким жестом поболтал чашку над блюдцем, а затем ловко перевернул вверх дном. В таком неловком положении чашка провела еще с минуту.

— Чтобы жидкость стекла, — пояснил он.

Рина с Тимом, не сговариваясь, залпом допили свой чай — оставили на дне всего по глоточку и повторили нехитрый

фокус. Дедушкино гадание как раз было готово, и глазам гостей предстало усеянное чайнками дно. Большинство из них хаотично повисло на стенках, не составив никакого знака. Но у самой кромки темнело целое скопление темных листочков, немного напоминающее кружку.

– Опять у тебя совещание, – сказал другой дедушка, покосившись на фигуру.

– Нет, это пострадавшая репутация, – возразил еще один.

– Или это чай, – простодушно заключил хозяин чашки.

Рина спешно заглянула под керамический купол, где пряталась теперь ее судьба. Немногочисленные чайнки все, как одна, улеглись на дне. Они образовали что-то вроде перевернутой елочки...

– Что это? Дерево? – изумилась Рина.

– Это колос. Лег на самом дне – отдаленное будущее. Неплохой знак.

– Понятно...

Ну вот что еще за колос? Нет чтобы маска, к примеру, театральная. Или поезд какой-нибудь, к далекому путешествию. Рина замечталась, представляя, что еще могло бы показать гадание, разочарованно вздохнула, но мгновенно оживилась, когда свою чашку перевернул Тим. У него творилось что-то грандиозное. Плавная линия темных крапинок извивалась по стенке чашки, почти образуя кольцо.

– Змея, – сказал кто-то.

– Или червь.

– И скоро. Дурной знак.

– Да все видят эту змею, – отмахнулся главный дедушка. –

Вы лучше присмотритесь к во-о-он тому значку.

– Тоже колос? – спросила Рина.

– Нет. Корона!

– А-а, ну теперь-то мне все очевидно, – улыбнулся Тим. –

Уже и жить неинтересно.

Вид он на себя напустил самый беззаботный, но Рине показалось, что все-таки призадумался, потому что больше в разговоре не участвовал. Без него обсуждение стихло, и вскоре вся сыскная команда вышла из третьей квартиры.

– Умопомрачительные дедули, – сказала Рина. – Просто блеск!

– Ненапряжные, – согласился Тим. – Они на пенсии духовный путь осваивают. Но мы ничего не выяснили, только мыло да бренчание. Не густо. Пойдем дальше.

Дальше, однако, удача совсем отвернулась. В большей части квартир на звонки никто не реагировал: жильцы разъехались по работам. Открывали пенсионеры, да и то не все. Некоторые только шаркали к внутренней стороне двери и, ничего интересного в глазке не увидев, молча поворачивали назад.

Рина совсем поникла: только начали, почти ничего не успели, а уже приходится откладывать расследование. Пора было уходить в свою собственную квартиру – мама скоро вернется.

Отставить лестничные шебуршанья, в общем.

Дома Рина насыпала корма в собачью миску, поставила на плиту кастрюлю под макароны, которые жутко любила с сахаром, и включила телевизор. Не удержалась и пощелкала каналы — в кои-то веки это можно было делать в свое удовольствие.

Вдохновившись самостоятельностью, она отправилась переодеться, чтобы рассекать по квартире в халате вместо всяких там тетя Анжел и тетя Свет, но, едва переступив порог своей комнаты, застыла как вкопанная. Даже свет включить не успела.

На прикроватном столике сидело, держа в зубах часы, животное размером с кошку. Оно обернулось на звук, и в темноте сверкнули два красных глаза.

Секунду Рина и животное смотрели друг на друга, а потом воришка подпрыгнул и исчез за столиком. Странный светлый ошейник, напоминающий небрежно повязанные бинты, прошелестел вслед за ним.

Рина бросилась спасать похищенные часы и развернула столик, но за ним уже никого не оказалось. Шорох пронесся по комнате и затих у шкафа.

Там существо зачем-то принялось биться головой о сте-

ну и шуршать воротником. Само себя загнало в угол! Рина схватила первое попавшееся – тяжелый рюкзак с еще не разобранными вещами – и двинулась в наступление.

Животное поняло, что вот-вот попадетсЯ, и, одним прыжком оказавшись на подоконнике, шмыгнуло за занавеску. Форточка как раз была открыта, и загадочный зверь не побоялся сигануть на улицу. Ну точно кошка! Рина подбежала к окну и, отдернув плотную ткань, поискала глазами маленького преступника. Вот он приземлился на асфальт, покрутился на месте. Отряхнувшись, побежал в глубь двора и скрылся среди деревьев.

Рина пулей бросилась в коридор, чуть не сбив разувавшуюся маму. Лир, такой же ошалелый, как и его хозяйка, пробежался по маминым ногам, а Рина подхватила ведро с мусором и прямо в тапках пустилась вниз по лестнице, прыгая через три ступени. Шокированная мама молча проводила ее взглядом. Рина не боялась ругани – все-таки полезное прикрытие придумала. Мама наверняка решит, что с утра просила вынести мусор, а Рина забыла. Вот теперь и вылетела как ужаленная. Но на выходе из подъезда Рина ведро оставила – заберет, когда выяснит судьбу будильника.

Деревья встретили безмятежной тишиной, будто в городском дворе каким-то чудом оказался островок настоящего леса. Как и полагается лесу, часы здесь под ногами не валялись. Вора тоже след простыл. «Искать! Ищи!» – требовала Рина, и Лир недоуменно нюхал землю. Рина уже успела по-

жалеть, что не отвела его сначала в комнату – там мог остаться запах похитителя. Но тут собачий нос как будто все же что-то уловил.

Лир засеменил в угол двора, покрутился у самой ограды и замер. Когда Рина догнала его, то замерла тоже.

В глубине «леса» пряталось дерево со странным дуплом. Отверстие начиналось у самой земли и доходило почти до Рининой макушки. Похожее на длинную трещину, оно было довольно узкое, но как раз такое, чтоб внутрь мог пролезть худой человек. А самое главное... Пространство внутри дерева светилось слабым розовым сиянием – неровным, колышущимся от движения воздуха, будто маленькая свечка.

Дупло было со стороны ограды. Если самому не прятаться или не ловить воров, его ни за что не увидеть.

Рина подкралась поближе и заглянула внутрь. Даже волосы на голове зашевелились – не то от страха, не то от сквозняка, который словно затягивал внутрь. Далеко вниз уходил провал, слабо подсвеченный у самого дна. К нему вели острые колья, торчавшие из ствола и напоминавшие винтовую лестницу.

– Эй... – сказала Рина, и ее голос эхом отозвался из глубины.

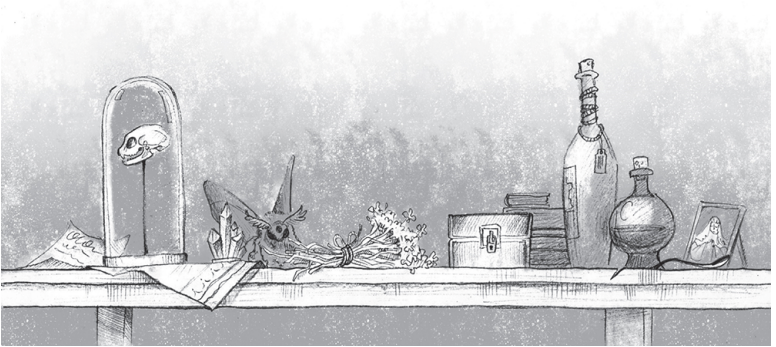
Очень хотелось поделиться открытием с Тимом, но Рина боялась не то что отойти – отвернуться хоть на секунду. Что, если исчезнет их с Лиром находка? Потом никому ничего не докажешь, даже самой себе. Как же быть?..

Рина попятилась, пытаясь запомнить место, и только теперь заметила на кирпичной кладке ограды странный знак – то ли перевернутая масть пик, то ли черви со стрелочкой. Похоже, символ нарисовали давно – он порядком выцвел и был различим только в рваном танце огонька из дерева.

Символ не оставлял сомнений, что находка несет в себе тайну. Тим должен все это увидеть!

Бросив последний взгляд на дупло, Рина помчалась к подъезду.

Глава третья

Магазинчик, который работает строго одно сегодня

– Я такое видел у пня старой ели... – сказал Тим, когда компания в полном составе окружила дупло. – Но это ветки, мне кажется... Ветки, которые росли, когда дерево было еще молодое. Поэтому начинаются от самой середины.

– Под землей у деревьев ветки не растут, – возразила Рина. – Больше похоже на шипы пыточных инструментов.

– Ну что, посмотрим, что там? – неуверенно предложил Тим. – Хочешь, я слазаю первый и гляну? Позову тебя, если

все будет нормально.

– Только осторожно.

Рина взяла Лира на руки и стала наблюдать, как Тим медленно пробирается в трещину и пробует колья на прочность. Удостоверившись, что они выдержат, он принялся аккуратно спускаться по спирали, держась руками за одни «ветки» и шагая по другим. Казалось, все не так уж сложно.

– Порядок. Давай сюда, – крикнул он наконец.

Голос был какой-то странный: может, из-за глубины, на которую Тим ушел, а может, он увидел внизу что-то чудное. Рина поудобнее перехватила Лира. Она понимала, что спуск дастся ей тяжелее: одна рука будет занята, к тому же придется следить, чтобы колья не поцарапали драгоценного друга. Но внизу ждет Тим, он сможет подстраховать.

Спускаться приходилось, изворачиваясь змеей. Изнутри ствол покрывал толстый слой мха, а на одной из опор сидел крупный слизняк. Рина, только было собиравшаяся взяться за эту «ветку», брезгливо отдернула пальцы и уцепилась за другую. Лир, довольный тем, что его взяли на ручки, вел себя хорошо. Больше всего Рина боялась поскользнуться на влажной древесине.

Наконец они с псом тоже оказались на дне. Еле поместились в тесном пространстве.

На лице у Тима было какое-то глуповатое выражение. Он глядел прямо перед собой, удивленно приподняв брови. Рина неловко развернулась и увидела точно такое же душло, как

то, в которое влезала.

– Ты что-нибудь понимаешь? – растерянно спросил Тим, когда они выбрались наружу.

Рина помотала головой.

Как это все-таки у них получилось? Лезли по веткам вниз, хотя под землей, как известно, ветки не растут. Да еще и оказалось, что спустились обратно откуда-то сверху – тут с ветками вроде бы сходится, но не сходится со всем остальным.

Рина оглянулась на Тима – оказалось, что и он смотрит на нее с точно таким же недоумением. Рина поставила пса на землю, и тот сразу же принялся все вокруг обнюхивать, как будто впервые увидел этот двор.

А новый дом все-таки был ничего. Сумеречные тени создавали иллюзию высокой крыши: будто кровельные листы поднялись и выгнулись по каким-то своим соображениям. Только сейчас Рина заметила куски светлого покрытия, на ползающие кое-где на щербатую кирпичную кладку, и даже фрагменты лепнины. Двор тоже преобразился: ажурные кроны деревьев красиво растворялись в глубине звездного неба.

Постойте-ка, как это звездного?..

– У тебя есть часы? – спросила Рина. – Что-то слишком темно.

– Так ведь еще только... Рин, гляди!

Тим вдруг схватил ее за плечо и другой рукой указал куда-то в сторону. Туда, где заканчивался их дом и начиналась вереница уличных фонарей.

Сначала Рина не могла разглядеть ничего особенного, а потом кусочек света у самой стены дома медленно сузился и совсем пропал. Странная вытянутая фигура пересекла маленький проезд. Это был человек, но в какой-то невиданной, чрезвычайно высокой шляпе, казавшейся продолжением его головы. Шляпа неестественно плясала и загибалась от быстрых шагов. Свет фонарей со всех сторон надкусывал этот силуэт, но по движениям можно было догадаться, что человек несет в руках какой-то сверток.

– Поняла, откуда он вышел? – ликующе спросил Тим.

– Из лишней двери, – шепнула почему-то Рина. – Квартиру сдали. Или она все это время сдана была, но тайно.

– Давай посмотрим?

Втроем они двинулись к боковой стороне здания, и, чем ближе подходили, тем больше Рине хотелось потереть глаза.

Лишняя дверь сильно изменилась. Куда-то исчезли ящик для почты и звонок. Теперь над входом горела вывеска с загадочной надписью «Артефактная криптолавка Витольда Льдовского», избыточно витиеватая и сверх того украшенная томным мерцанием огоньков. Они зарождались между словом «криптолавка» и именем «Витольд», пульсировали вдоль названия, и это огоньковое путешествие настолько завораживало, что Тим и Рина с минуту просто наблюдали за чудом магазинного оформительства.

Наваждение развеяла открывшаяся дверь. Она выпустила человека и облако крепкого дымного запаха. Человек непри-

язненно зыркнул на внезапное препятствие, неловко потоптался возле пса и отбыл, куда собирался; облако отбывать не хотело. Рина поморщилась, а Тим прочел объявление:

– Лавка работает строго одно сегодня.

– Одно сегодня... – повторила Рина. – О, смотри-ка, Лир! Нет наклейки, запрещающей вход для собак.

Наклеек не было никаких. А вот дверь оказалась тяжелой и, как только троица оказалась внутри, захлопнулась с такой силой, что зазвенели вставки из цветного стекла.

Тим застыл на пороге с диким выражением лица, а Рина бегло изучила интерьер и про себя отметила: «Ох, как недурно». На полу покоился персидский ковер, стены увивали сложные арабески. Витрины были забиты самыми восхитительными вещами – такого средоточия реквизита Рина и представить себе не могла! «Гасители для свечей. Уважительный способ тушения», – прочитала она одну из надписей. «Отпугиватели тараканов в виде сигар, трубок и кальянов». Повсюду блестели подвески, колокольчики и чаши, танцевали планетарные маятники.

– Добро пожаловать в мою скромную лавку, – сказал низкий голос. – Благодарю за выбор бренда Витольда Льдовского.

За прилавком, спиной к посетителям, стоял мужчина. На нем был элегантный, слегка полосатый костюм и шелковый халат, свисающий с одного плеча.

Мужчина медленно повернулся к посетителям, положил

на прилавок книгу, которую до этого держал в руках, и улыбка его немного приугасла.

– О, вы здесь как будто бы впервые.

– Да, прежде мы здесь магазина не видели, – сказал Тим, про которого Рина уже, стыдно признаться, почти забыла.

– Еще бы. Готов поспорить, прежде вы ничего не видели в Сердцевинуме.

Хозяин лавки выглядел уставшим и не слишком приветливым. Но Рина с Тимом оторопело молчали, и он смягчился.

– Разве вам ничего не показалось странным?

– Показалось, – кивнула Рина. – Здесь все немного... придурочное какое-то.

– Не без этого, – легко согласился продавец.

– И вы тут всего на раз? – удивилась Рина. – И даже без объявления поточнее, чем «строго одно сегодня»?

– На один раз в месяц. Но в месяцах не может и не должно быть равного числа дней. – Хозяин лавки перешел на учительский тон. – Каждый раз луна живет по-разному. Так что я и сам не могу сказать, когда вновь открою лавку в вашем доме. Кроме него мне нужно обслужить еще два с лишним десятка домов, понимаете ли.

– Это точно не наш мир, – ошалело заключил Тим. – Какой-нибудь параллельный.

Мужчина тяжело вздохнул, и Рина испугалась, что он их вот-вот выпроводит.

– Строго говоря, внутренний, а не параллельный. Поэтому, позвольте предположить, вы оказались здесь, найдя одну из червоточин и спустившись вглубь. Самый простой способ.

– А-а-а, внутренний – это как дом-матрешка, – догадалась Рина, вспомнив родительские обсуждения. – Мир-матрешка или вроде того.

– И правда, – кивнул продавец. – Неплохое сравнение, юная госпожа. Прямо-таки преинтересное, наивное в хорошем смысле.

– И все эти предметы... на самом деле работают? Даже вот, к примеру, «Портативные Криптопечи»? Зачем они?

– Для ремесла, – туманно ответил хозяин лавки. – Знаете что, господа, раз уж вы такие находчивые, не хотите ли помочь мне в одном пустяковом деле? Правда, вам для этого понадобится недешевая вещь, что для меня выйдет накладно... с другой стороны, такому старику, как я, посыльным работать не к лицу совершенно. Вы, так и быть, сможете оставить эту вещичку себе в качестве вознаграждения. Ну вы как, согласны?

Лир крутился под ногами, демонстрируя готовность к приключениям.

– А что нужно сделать? – неуверенно спросил Тим.

Хозяин лавки потер виски, наверняка предчувствуя долгие объяснения.

– Нужно разыскать в этом сумасшедшем доме троих фамильяров и передать им новость. Новость такая: «Канце-

лярия Искаженного Жилья перенесла назначение домового ведьмы на неопределенный срок – нет кандидатур». Придет-ся фамильярам какое-то время еще самим продержаться.

– Фамильярам? – нахмурилась Рина.

Она начинала думать, что в последнее время приходилось хмуриться слишком уж часто.

– Это такие существа, которые обычно помогают домовому ведьме следить за порядком. Сейчас они здесь за старших – большая проблема с кадрами... Не волнуйтесь, я дам вам крипто-спички, те, что с синей серой на концах. Они притягивают искомое к вам либо вас к искомому.

Продавец снял с одной из витрин гигантский коробок каминных спичек и вручил Рине. Наверное, вид у нее был совершенно потерянный, потому что мужчина вздохнул и добавил:

– Поищу карту дома, с ней вам будет проще. Где-то ведь была...

Он откинул плотную шторку, закрывавшую вход в подсобное помещение, вышел и принялся чем-то там греметь.

– Безумие! – прошептал Тим.

– Фантастика! – ответила ему Рина и потрясла полученный коробок. – Беремся?..

– Естественно!

Тиму, похоже, было обидно, что ему никакого артефакта не досталось. Он взял в руки первую попавшуюся вещь с прилавка – какую-то книгу, попытался открыть ее и встре-

тил настоящий отпор. Два глаза на переплете, которые можно было принять за декоративные, открылись и недовольно глянули на мальчика.

Книга пропищала:

– Я исключительно личная вещь, господин! Нельзя читать чужие Сокровенники, нельзя, нельзя!

Рина испугалась, не упадет ли Тим в обморок, но тот с собой справился:

– Извините, пожалуйста, я не знал. – И он положил книгу на край прилавка.

Как раз вовремя.

– Вот. – Хозяин лавки вернулся с ветхим листом бумаги. – Нужно зажечь синюю крипто-спичку и сказать, что вы ищите, – пламя покажет точку на плане дома. Если не потухнет, то даже проводит до нужного места. Обращайтесь к фамильярам вежливо: хоть они и низшие существа, сейчас от них зависит очень многое. И будьте со своим домом поосторожнее. Он может... удивить. Бывает, что и неприятно.

– Хорошенькое напутствие, – сказала Рина, когда они покинули магазин. – Дело пустяковое, совсем ерунда! Только это не перепутайте да то сделайте правильно... И не забудьте этого всего бояться! А так – тьфу, раз плюнуть.

Она покрутила в руках свое приобретение – длинный коробок, который никак не помещался в ладони и наверняка не влез бы в карман. В свете вывески он был такой же светло-серый, как обычные, но по этой серости красиво вились кружевные надписи. Рина сдвинула крышку: спички внутри оказались трех цветов – синие, розовые и черные.

Сзади нашлась инструкция:

«Синий – нужных вещей притяжение. Черный – незримость на время горения. Розовый вещице шлет сновидения. Годятся для дела и для развлечения!»

Тим развернул карту. Обращались с ней прежде не особенно бережно: одну из комнат первого этажа целиком заляпали размытое пятно и след от чашки. Да и сам дом был вычерчен немного кривовато...

– Зажигаем? – спросила Рина.

– Давай ты зажжешь и скажешь, а я поднесу карту. Не спалить бы ее.

Рина вынула длинную спичку и чиркнула ею о бок коробка. Та и впрямь загорелась синеватым цветом, но Рина уже ничему не удивлялась.

– Фамильяры, – сказала она спичке. – Нам нужны фамильяры.

Огонек затрепетал и потянулся к карте. Тим вертел лист так и эдак, пока не стало ясно, что язычок пламени пытался указать на их подъезд. Компания двинулась к нему, но у самого крыльца спичка вдруг изменила направление – повер-

нулась концом горящего указателя к водосточной трубе.

– Тут никого нет, – расстроилась Рина.

Тим несколько раз постучал по ржавой железке – ничего, только гул внутри.

Но синяя спичка не гасла и упорно лезла в трубу. В конце концов ее проучила упавшая капля – оставила от пламени только голубоватый дымок.

– Господин фамильяр? – осторожно позвал Тим, наклонившись к самому отмету водостока.

Вот ведь вежливый стал! Удивительно все-таки, как по-разному на людях сказывается потрясение. Рина фыркнула и собралась зажечь новую спичку, но не успела: из трубы, откликнувшись на зов, выпал рыбий скелет. Тим, Рина и Лир отпрянули. Они ожидали всякого, но чтоб такое...

Скелет был крупный, с Ринино предплечье, и прекрасно сохранился. Сперва он поднял голову, затем, слегка похрустывая и постукивая позвонками, встал на зубчатый хвост. Рыбья челюсть открылась и проскрипела:

– Вы без кошек. Это хорошо. Разрешите представиться. Кетутиль. Фамильяр по Трубам.

– Уважаемый... по трубам, – обратился Тим. – Мы должны передать вам новость от какой-то Искаженной Канцелярии.

– Это хорошо. Нужны мои коллеги, – бесстрастно ответил скелет.

А может быть, интонация Рине только почудилась. В са-

мом деле, не так-то просто говорить одними костями. Тем более если ты рыба.

– А сколько вас? И где найти остальных?

– Нас четверо, – скрипнул Кетутиль. – Без меня трое. Но ищите двоих, третий не любит общаться. Будет сложно собрать нас. Мы разные. Мне нужна вода. Наполните ванну. Высыхаю.

Фамильяр запрыгнул обратно и загремел в водосток, оставив совершенно сбитую с толку компанию.

– Рина, дедушки нас чем-то отравили, – сказал Тим.

– Чего сразу отравили? – вступилась за соседей она. – Интересно ведь. Да, он жутковат немного, но, кажется, безобидный... Не хочу я отравлений, давай без них. Я много раз травилась – это скучно и вообще не так.

И почему столкнувшиеся с чем-то непознанным всегда пытаются найти происходящему какое-то рядовое объяснение? Рину, напротив, охватил азарт.

Она зажгла еще одну спичку и сама поднесла ее к карте.

Огонек поманил в дом, и снова было непонятно, куда он указывает. Оказалось – на большой электрический щиток в подъезде. Синяя спичка старательно светила в щель между створками, и Тим попытался открыть хотя бы одну. Стоило ему легонько звякнуть прикрученной к щитку проволокой, как внутри послышалась какая-то возня: содержимое ящика зашелестело и заскрежетало когтями, как птица в клетке. Створка вдруг открылась сама собой, явив начинку из раз-

ноцветных проводов и странное существо – взъерошенное и зайцеухое. Два его больших черных глаза располагались как положено и напоминали совиные, а третий горел над ними яркой полной луной. Лицо и уши существа покрывал пепельный пух, а тело – угольное оперение.

– Вы фамильяр? – спросила Рина.

Создание прижало уши и издало неуверенный клекот. Оно было слишком напугано, чтобы ответить. Рина вдруг страшно захотела потрогать блестящие перышки, но побоялась острого клюва.

– Мы должны передать послание фамильярам этого дома, – объяснила она, но создание никак не отреагировало. – От какой-то там Канцелярии.

Существо моргнуло и склонило голову набок.

– От Витольда, хозяина лавки.

Это уточнение подействовало: создание опустило вздыбленные перья.

– Я Х-хехелáр, Фамильяр п-по Проводам, – сказала оно и тут же чихнуло. – Вы уже нашли остальных?

– Мы нашли вас и рыбий скелет, – ответил Тим.

– Его зовут Кетутиль, – поправил фамильяр. – Средний из нас. В-вам нужен младший.

– Выходит, вы – старший? – удивился Тим. Наверное, для него это звание никак не вязалось с робостью Хехелара.

– Т-так уж вышло. Но есть еще один. Он...

– Как нам собрать вас всех? – перебила Рина, которой во-

прос старшинства не казался важным.

– Я могу п-пойти с вами.

– О, вы намного удобнее, чем Кетутиль, – обрадовалась Рина.

У нее уже голова начинала болеть от званий, названий и бессмысленных правил.

Хехелар нежно погладил провода и выбрался наружу. Он сразу как-то приосанился и стал больше, одним взмахом крыльев преодолел целый лестничный пролет.

– Он наверху, – сказал фамильяр. – Я п-покажу вам.

Рина никак не могла придумать, куда спрятать спички, которые теперь были не нужны. В карман сарафана коробок не лез, Тимовы карманы тоже негодились.

– Послушайте, господин фамильяр, – начала она. – Я еще не вполне поняла устройство вашего мира. Если я спрячу эти спички в почтовый ящик *здесь*, смогу ли я достать их из него *там*?

– Б-боюсь, так не получится. – Хехелар сел на край лестничных перил. – Спички останутся здесь, если только в вашем ящике нет прохода на другой слой. В самом крайнем случае вы д-д-достанете совершенно обычный коробок – если он вдруг исказится в д-другую сторону.

Подъезд выглядел почти нормально. Только плыл немного: то на мгновение становился мутным, то снова приобретал правильные очертания. Рина подумала, что это вполне сочетается с «Канцелярией Искаженного Жилья».

На четвертом этаже Хехелар завис у одной из дверей.

– Это же моя квартира, – сказал Тим. – Он в моей квартире?

– Да, но надо торопиться. Придет ваша бабушка. Вам не стоит видеть ее *искаженной*.

– Моя бабушка в этом мире?.. – Тим совсем побледнел.

– Да, но не так, как вы... Вы оба. – Хехелар глянул на собаку. – Вы трое что здесь, что там – те же самые. Это редкость.

Тим отпер дверь своим ключом, и все оказалась в его квартире. Рина с интересом осматривала комнаты, пока фамильяр спешил вперед.

– Здесь, – сказал Хехелар, хлопая крыльями у кухонной стены.

На этот раз было очевидно, где обитает искомое существо. Из-за вентиляционной решетки доносились странные звуки: будто кто-то играл на игрушечном музыкальном инструменте, и музыка выходила тоже игрушечная, только грустная.

Тим пододвинул к стене стул, взобрался на него и по-хо-зйски снял решетку.

– Всегда плохо держалась, – заметил он.

Музыка резко стихла, и в кухню вырвалось облачко мелких мушек. Со вздохами разочарования оно закружилось под потолком и осело на лампе.

Вскоре из дыры в стене показались две тонкие лапки, за ними вытянулись из темноты пушистые усики. Огромный –

для мотылька, разумеется – бражник единственным глазом выглянул в кухню. Он заметил Хехелара и спокойно уселся в проеме.

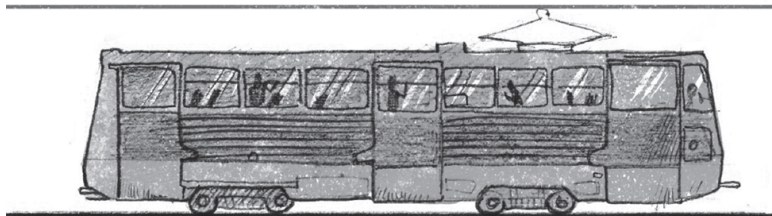
– Они принесли новость, – сказал Хехелар. – Мы должны позвать среднего.

Он подлетел к мойке и открутил вентиль крана. Вода хлынула на дно раковины, но Рина заметила это только краем глаза.

Она никак не могла оторвать взгляд от мотылька с пушистой шубкой и крыльями, чешуйки которых в свете кухонной лампы горели золотом. Усы у него были длинные и ветвистые, как рога, а между головой и туловищем топорщился воротничок – белая фреза.

– Я Фафербон, – сказал бражник, заметив зачарованный Ринин взгляд. – Фамильяр по Воздуховодам.

Глава четвертая

Украденные сердца

Собрание проходило вокруг обшарпанной мойки, в которой прямо на треснувшем блюде разместился Кетутиль. Вид у Тима был немного пристыженный, наверное, из-за грязной посуды. А еще на дне валялся мелкий червячок, правда, ни он, ни посуда фамильяров не волновали. Существа животрепещуще обсуждали что-то свое:

– По-хорошему. Кьяф. Должен быть здесь, – проскрипел скелет.

– Я давно его не видел.

Это сказал Фаферон, задумчиво примостивший голову на

лапках.

– Он всегда б-был лишним. Г-говорите новость, пожалуйста, – попросил Хехелар.

Рина с Тимом озвучили послание, и фамильяры очень расстроились.

– Нас бросили на произвол судьбы, – обреченно заключил бражник. – И это сейчас, когда *сердце дома* украдено и он может рухнуть в любой момент.

– Дом может рухнуть?.. – переспросила Рина. – Так вот почему он воет! И я была права, ему больно и плохо.

Фамильяры удивленно обратились к ней:

– Неужели уже и на той стороне слышно? Б-беда!..

– Он воет, это правда. Но звуки издает еще и что-то постороннее. Злое, – грустно объяснил Фаферон.

– Значит, и я был прав! – воскликнул Тим. – Злая сила.

Тут над кухней повисло напряженное молчание. Существа принялись многозначительно переглядываться.

– К-коллеги, не кажется ли вам странным, что Витольд передал эту новость с двумя *неисказенными* детьми? – спросил наконец Хехелар, и его голос стал особенно вкрадчивым. – Уж не их ли он предложил нам в качестве временной помощи?

Рина заметила, что ее неисказенный Лир очень обиделся и демонстративно отвернулся. В конце концов, это он нашел проход в дереве, могли бы и упомянуть.

– Мало что знают. Но чувствуют, – сказал Кетутиль.

По его интонации было не понять, поддерживает он старшего или нет. Но загадочные фразы про украденное сердце уже захватили Рину, и она очень хотела заслужить доверие существ.

– Расскажите нам, – попросила она. – Мы все равно пытались выяснить, откуда эти звуки, в том мире... а если их источник в вашем, то мы продолжим расследование здесь.

Фамильяры обменялись кивками – явно пришли к согласию.

– Расскажи ты, младший. Т-тебе речь проще всех дается, – попросил Хехелар.

Фаферон поудобнее устроился на мойке и начал:

– С тех пор как нашу прошлую хозяйку повесили, дом сиротствует. Прислали Кьяфа, но ведь он тоже фамильяр, к тому же необщительный. Постоянно пропадает, на общедомовые собрания не является...

Для многих такие беззащитные дома – лакомые кусочки. Вот и на наш кто-то глаз положил – украл его сердце и вытягивает жизненную силу, потому что дома, конечно, очень даже живые организмы. Какой-то маг-паразит. Сердце до сих пор здесь – без него здание развалилось бы сразу же. Но мы его не чувствуем. Оно в каком-то месте, недоступном для нас.

– Это может быть тайная комната? – предположил Тим и достал свою карту.

– Это может быть тайная комната, тайный шкаф и даже

тайный сапог, – печально ответил бражник. – Дома, помещения и даже вещи здесь способны «разворачиваться» до отдельных слоев. Сердце может быть спрятано буквально где угодно...

В коридоре послышалось скрежетание ключа. Фамильяры переполошились не на шутку.

– Вы должны возвращаться к себе, – забормотал Фафрон. – Искаженные люди опасны для неискаженных. Мало ли что им взбредет в голову!

– Как же нам теперь уйти?

– Я отвлеку, – сказал Кетутиль. – Пойду бурлить в унитазе. Зайдет проверить. А вы – бегом.

Рина обрадовалась, что не оставила коробок в каком-нибудь укромном месте. Она вынула черную спичку для себя и еще две для Лира и Тима. Чиркнув о бок коробка, спички засыпали искрами – черными, дымящими.

В коридоре слышалась возня. Бабушка Тима, наверное, уже разувалась, а невидимость все не работала. Мальчик заметил Ринино волнение и украдкой показал ей ключ от входной двери; только хотел положить в карман, как его рука за клубилась и превратилась в летучее облачко. Рина едва успела подхватить Лира – пес растворился следом. Невидимые пальцы потрогали Рину за локоть, нашли ладонь и, как только Кетутиль исполнил свое обещание, потянули в коридор. Действия магии хватило, чтобы добежать до двора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.